
УДК 165
ББК 87.22
Л 52

О. В. Летунова,

кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социальных наук Сибирского государственного аэрокосмического университета им. академика М. Ф. Решетнева г. Красноярск, докторант очного отделения докторантуры, тел. 8-913-5599245, e-mail: leto3105@mail.ru

Экономические проекты, адекватные метафизическому типу экономического мышления (Рецензирована)

Аннотация. В статье раскрываются философско-методологические основы экономического мышления метафизического типа и доказывается, что данный тип мышления детерминирует формирование рыночных и плановых экономических проектов.

Ключевые слова: метафизика, экономическое мышление, индуктивные и дедуктивные типы теорий, номинализм, реализм, экономические проекты.

O.V. Letunova,

Candidate of Philosophy, Associate Professor of Philosophy and Social Sciences of the Siberian State Space University named after Academician M.F. Reshetnev, Krasnoyarsk, Doctoral Candidate, ph. 8(391) 291-92-87, e-mail: leto3105@mail.ru

The economic projects adequate to metaphysical type of economic thinking

Abstract. The paper describes the philosophical and methodological foundations of economic thinking of the metaphysical type. The author proves that this type of thinking determines the formation of market and planned economic projects.

Keywords: metaphysics, economic thinking, inductive and deductive types of theories, nominalism, realism, economic projects.

Философско-методологический анализ западноевропейских исследований, в том числе экономических, аргументированно доказывает, что основой большинства из них выступает метафизическая методологическая традиция. В отличие от диалектики, основанной на принципах единства мира и всеобщей связи явлений, в метафизике материальное и идеальное выступают как два независимых друг от друга начала, соответственно отрицается всеобщая связь явлений. Немецкий философ И. Кант пишет: «Произведенный метафизиком анализ разделил чистое априорное познание на два весьма разнородных элемента — познание вещей как явлений и познание вещей самих по себе» [1]. Как видно, вещи как явление

и вещи как сущность познаются в отдельности, в изолированности друг от друга. Отсюда метафизическая система теоретизирования развертывается по принципу дуализма, в рамках которого субъективно принимается, что сущность непознаваема, и по принципу антропоцентризма, согласно которому человек сам волен формулировать истины и соответственно самопроизвольно может определять, что является истиной, а что таковой не является.

В соответствии с принципом дуализма происходит удвоение действительности, следовательно, по стандартам агностицизма и скептицизма материальные и духовные сущности, как непознаваемые, могут лишь репрезентировать, представлять друг друга.

В связи с этим актуализируется теория познания как теория репрезентации. Латинское понятие *repraesentatio* (нем. *Vorstellung*) означает «представление» как вторичный образ, воспроизведенный памятью. Но поскольку это вторичный образ, постольку он может быть воспроизведен как угодно, независимо от того, насколько это соответствует действительности. В связи с этим, как доказывает Х. Й. Зандкюлер, значение репрезентации состоит в том, что она «презентирует в акте сознания некий реальный, внешний и все же представленный в мышлении и языке объект иначе, чем он существует в действительности» [2].

М. Вартофский раскрывает понятие репрезентации следующим образом: «Репрезентацией может быть все, что таковой считается; репрезентирование — это то, что делаем мы; ничто не может являться репрезентацией, если только мы не делаем или не считаем его репрезентацией: причем оно будет именно такой репрезентацией, какой мы его делаем или считаем» [3]. При этом важно, что с репрезентацией происходит удвоение действительности, поскольку эта репрезентация задается самостоятельно, так, какой ее делают или считают. Следовательно, репрезентация субъективна, и один и тот же объект может иметь различные репрезентации, в результате чего возникает множество конкурирующих теорий, имеющих свои доказательства. В рамках теории познания как теории репрезентации оказываются востребованными доказательства на основе формальных логик, методами которых исследуются объекты в отвлечении от их конкретного содержания. Как пишет М. Г. Макаров, «формальная логика изучает форму мысли в чистом виде... в таком же отвлечении от природы элементов структуры, в каком это делает математика. Речь естественно может идти о таких структурах или таких аспектах структур, которые обладают значительной степенью безотносительности к содержанию» [4]. Следовательно, сущность как нечто непознаваемое может быть только описана или абстра-

гирована для последующего восполнения. Для этого произвольно создаются языки описания, принимается аксиоматика и устанавливается система доказательств. Н. А. Князев пишет: «Репрезентация — это такая существенная характеристика науки, которая заключается в признании абсолютной самостоятельности научного знания по отношению к предметному миру, в отрыве содержания знания как образа от его прообраза, в сведении научного знания к некоей фантазии (или фантазмам, по Аристотелю), интеллектуальному вымыслу в форме определенных правил языка науки, изобретаемых самими учеными» [5]. Правила языка науки изобретаются произвольно, следовательно, формальные логики составляются по принципу антропоцентризма.

Формально-логические системы реализовываются путем построения различных моделей с помощью произвольно сконструированного искусственного языка науки. М. Г. Макаров пишет: «При построении формально-логических систем абстрагируются от их отношения к объективному миру, к связям его явлений, а также от происхождения и развития логических форм и понятий» [4]. Отсюда все рассуждения, которые вытекают из этой теории, правильные, если не противоречат принятой системе доказательств. При этом полученные знания будут в определенной степени достоверными, вероятностными, будут представлять собой знание-репрезентацию или знание-репрезентанта, но в любом случае они лишь предполагают наличие репрезентанта или репрезентации. В этом случае важным моментом выступает соотношение репрезентанта и репрезентации, которое будет различным в соответствующих группах формальных логик.

Формальная логика имеет многочисленное количество вариаций, но в данном случае существенны две основные группы формальных логик, при которых реализуются два типа теорий конструирования доказательств: индуктивные и дедуктивные, на основе которых раскрываются индуктивный и дедуктивный типы логики.

Индуктивные типы теорий формируются путем выведения общих положений из ряда частных. Все теории индуктивного типа являются описанием действительности, соответственно знания в рамках этих теорий выступают в качестве репрезентации действительности, а то, что познается, — в качестве репрезентанта. В данном случае репрезентация предполагает вероятностные знания, и в результате для описания действительности требуется теория множеств, теория вероятностей, которая будет многозначна, как минимум, 3-значна: истинно, ложно и возможно. Как пишет Б. А. Парахонский, «в отличие от методологии научного знания, ориентированной на представление науки как системы знания, описывающего реальную действительность, методология, учитывающая «технологический» аспект освоения этой реальности, ориентирована на описание или проект, в соответствии с которым реальность конструируется. Для методологии последнего типа особую значимость приобретают... формы возможных отношений; в критериологическом плане — не только оппозиция истинного и ложного, а также возможного и невозможного» [6]. В связи с этим индуктивные типы теорий разрабатываются на базе теории вероятностей. В ходе реализации принципа плюрализма, возникающего из множества вариантов описаний, появляются различные варианты научного знания, научных теорий, жизнеспособность которых зависит от их востребованности. В соответствии с индуктивными типами теорий вероятностное знание выступает в качестве плодотворной догадки в системе реализации теорий индуктивного типа, поскольку допускается приписывание свойств, придание произвольного смысла тем объектам, которые им могут и не обладать. В качестве репрезентанта при описании принимается материальное, а репрезентация как полученные знания, согласно теории вероятности, множественности, является вероятностной.

В соответствии с теориями дедуктивного типа знания формируются

как общие положения, из которых выводятся частные положения. Общие положения выступают как абстракция, произвольно устанавливаемая абстрактная сущность, соответствующая системе доказательств. Из этих общих положений извлекается необходимое в практической деятельности содержание знаний. В этом смысле знание выступает как репрезентант, а его реализация в ходе практической деятельности, или его восполнение, — как репрезентация действительности. В связи с тем, что установленные абстракции могут как соответствовать принятой системе доказательств, так и не соответствовать, формальные логики дедуктивного типа двузначны: истинно или ложно. Основой дедуктивных типов логики выступают гипотетико-дедуктивные методы и рассуждения, основанные на выведении (дедукции) заключений из гипотез, истинностное значение которых неизвестно. Поскольку в дедуктивном рассуждении значение истинности переносится на заключение, а посылками служат гипотезы, то и заключение гипотетико-дедуктивного рассуждения имеет лишь вероятностный характер. Гипотетико-дедуктивные рассуждения можно разделить на две основные группы. К первой группе относятся рассуждения, посылками которых являются гипотезы и эмпирические обобщения, истинность которых еще нужно установить; ко второй группе — выводы из таких посылок, которые заведомо ложны или ложность которых может быть установлена. Классификация групп гипотетико-дедуктивных теорий соответствует двузначности суждений дедуктивной формальной логики: истинно и ложно. В связи с этим эмпирические знания посредством конструирования направлены на подтверждение или опровержение теоретического знания. М. Шелер пишет: «Конструкция всех особых механизмов, которые мы строим, суть свободные конструкции нашего духа. Они не должны касаться чего-то, лежащего за вещами, или отражать его. Все они дают только некий план, в соответствии с которым становится принципиально возможным из-

менение и управление природой для достижения каких-либо целей» [7]. Тем самым, согласно теориям дедуктивного типа, вероятностное знание выступает в качестве репрезентанта, в данном случае конструкции, плана, и подлежит восполнению с помощью соответствующих технологий. При этом должна реализовываться непротиворечивость репрезентанта принятой аксиоматике, языку и системе доказательств. Согласно дедуктивным типам теорий в качестве репрезентанта как сущности выступает идеальное.

Использование логики индуктивных типов и дедуктивных типов позволяет различать две основные метафизические традиции теоретизирования: неоминалистскую и неореалистскую.

Номиналистская традиция теоретизирования раскрывает мир не как сумму понятий, а как сумму единичных вещей и сущностей, которые могут быть лишь так или иначе описаны и прокомментированы. Поскольку номинализм происходит от латинского слова «номен», что значит «имя», постольку имена не обладают никаким самостоятельным существованием вне и помимо вещей и могут присваиваться чему угодно. У. Оккам полагает, что «акты мышления, осуществляемые душой, называются претерпеваниями души и по своей природе подразумевают вещи вне души и иные вещи в душе так же, как слова, подразумевают вещи по произвольному установлению» [8]. Как видно, основополагающими принципами неоминалистской традиции теоретизирования, как и всей метафизической системы, выступают принцип дуализма («...подразумевают вещи вне души») и принцип антропоцентризма («...подразумевают вещи по произвольному установлению»).

Путь познания У. Оккам представляет следующим образом: из ощущений, которые дают только единичные вещи, возникает память, из памяти возникают переживания, и благодаря переживаниям мы получаем универсалию. Процесс познания идет от чувственных воззрений к интеллектуальному познанию. У. Оккам раскрывает

основное направление номиналистского учения о том, что объективно существующие вещи предшествуют идеям: «В естественном порядке вещей интуитивное познание не может ни обуславливаться, ни сохраняться, если объект не существует. Для этого есть основание, ибо реальное следствие не может ни обуславливаться, ни переводиться из небытия в бытие тем, что является собой ничто; и, стало быть, это следствие, если говорить о нем в естественном порядке вещей, требует для своего существования как производящей причины, так и сохраняющей» [8]. Таким образом, познание строится на основе логического перехода от частного к общему, что отвечает требованиям индуктивных типов теорий и соответствует номиналистской методологической традиции, согласно которой в качестве сущности-репрезентанта субъективно принимается материальное, а в качестве существования-репрезентации — идеальное.

Представители другой методологической традиции — реализма, которыми являются Иоанн Скот Эриугена, Ф. Аквинский, Р. Бэкон, Ансельм Кентерберийский и др., считают, что общие понятия существуют объективно, вне и до единичных вещей и до всякого познания их человеком.

Признание реальности «чистых понятий», которым соответствуют телесные вещи, символизм и иерархизм, существенны для реализма. При этом универсальность держится на понятии верховной идеальной цели, с устранением которой рушится и все целое, тем самым признается первичность идеального и вторичность материального. Реалисты превращают общие понятия в самостоятельно существующие объективные сущности, другими словами, чем более общим является понятие, тем реальнее его существование в качестве особой сущности. Соответственно в рамках теории познания как теории репрезентации в ее реалистской традиции в качестве сущности как репрезентанта принимается идеальное, а в качестве существования как репрезентации принимается материальное.

Отвечая принципу дуализма, реалисты конструируют идеальную, абстрактную сущность, которая в дальнейшем требует своего восполнения. Конструирование вещи, состоящей из смысловых элементов, осуществляется путем соответствующей структуризации данных, поставляемых органами чувств. Фома Аквинский, давая объяснение именно такому познанию вещей, утверждает, что для созерцания — как чувственного видения, так и умозрения — требуется, во-первых, способность созерцать, а во-вторых, соединение видимой вещи со взором: «...наш интеллект может абстрактно рассматривать то, что познает как соединенное. Ведь даже если он познает вещь, имеющую форму в материи, однако разлагает составное, расторгая то и другое, и рассматривает самое форму как таковую» [9]. Как видно, процесс познания осуществляется на основе теорий дедуктивного типа методом от общего к частному. При этом имеет место сам факт наличия в реалистском поведении конструктивной деятельности.

Номинализм и реализм являются средневековыми традициями теоретизирования, основным содержанием которых был спор о единичном и об общем, но при расширении сфер их тематики они трансформировались в неоминализм и неореализм. Так, James A. Weisheipl применяет методологию номинализма в современном лингвистическом анализе: «Номинализм как определение обычно применяется к любой философской системе, древней или современной... В этом смысле философские системы Эпикура, Вильяма Оккама, Джорджа Беркли, Дэвида Хьюма, Джона Стюарта Милля и современного лингвистического анализа можно назвать *nominalistic* в том, что они приписывают универсальность только слова (*nomina*), психических привычек или понятий и признают существование только конкретных, индивидуальных вещей» [10]. И. А. Голосенко, выявляя методологические основы социологических исследований, раскрывает направления номинализма и реализма в качестве западных традиций

теоретизирования, в рамках которых сформировались более современные социологические концепции: «История социологии убедительно свидетельствует, что нигилистическое отношение к возможностям материалистической диалектики как метода социального познания ведет к серьезным теоретико-методологическим кризисам. Наглядным примером тому служит конфликт реализма и номинализма, повлиявший на формирование многих концепций буржуазной социологии конца XIX — начала XX в. и не разрешенный до сих пор» [11]. Как видно, несмотря на то, что номинализм и реализм возникли как понятия в рамках средневековой философии, в настоящее время они выступают мощными методологическими принципами западной метафизической системы теоретизирования. В этом отношении, исследуя методологическую основу западных экономических теорий, обнаруживаются основополагающие принципы неоминалистской и неореалистской традиций теоретизирования.

Отметим, что и в неоминализме, и в неореализме признается непознаваемость сущности, поэтому и экономическое мышление осуществляется на уровне теоретического познания в соответствии с метафизической системой теоретизирования. В этом случае экономическое мышление строится на основе индуктивных и дедуктивных типов теорий, в которых соответственно реализуются неоминалистская и неореалистская традиции теоретизирования.

Современные неоминалисты комментируют и объясняют то, что уже реально существует, для них познаются вещи, а не формы, порожденные умом, в то время как неореалисты выстраивают планы, схемы, которые затем воплощают в реальную жизнь. Важным отличием в этих концепциях является то, что является сущностью, а что существованием. Для неореализма сущностью является идея, план, а существованием — технология для достижения поставленных идеалов, воплощение этого плана. В системе неоминализма сущностью выступает сам проис-

ходящий процесс, а существованием — описание этого процесса.

На основе формальных логик индуктивного типа в соответствии с неоминалистской методологической традицией формируются экономические проекты рыночного типа. Процессы рыночной экономики с точки зрения метафизической неоминалистской методологической традиции выступают как непознаваемые телесные сущности — репрезентанты, а их описания, комментарии, трактовки — как репрезентации, которые не зависят от самих процессов. С позиции данного направления ведутся исследования А. Смита, который показывает, что экономические явления и процессы не подвластны человеку, поскольку власть и сила человека слабее естественного порядка вещей. Происходящие экономические процессы А. Смит представляет «наглядной и незамысловатой идеей естественной свободы» [12], в которой людям остается лишь изучать естественный порядок вещей, который сам собой ведет к процветанию и всеобщему благу. В связи с этим неоминалисты полностью полагаются на действие стихийных экономических сил, провозглашая принцип невмешательства государства в саморегулирующуюся систему экономических отношений.

Принимая не познаваемость сущности экономической системы, а лишь ее описание, приверженцы неоминалистской версии экономического мышления отвергают управление экономикой, тем самым сводя роль государства в экономической сфере к минимуму. В поддержку данного направления выступают авторы С. В. Брагинский и Я. А. Певзнер: «...экономика не должна быть подвластна государству, его вмешательство в экономику должно ограничиваться только функциями защиты экономических интересов большинства граждан» [13]. Очевидно, что в неоминалистских экономических теориях функции государства в основном сводятся к обеспечению благоприятных условий для свободного предпринимательства, к охране прав и свобод личности, т. е. строго ограничиваются.

Тем самым неоминалистская версия экономического мышления выступает основой для экономических теорий рыночного или либерального типов.

В соответствии с другой метафизической методологической традицией — неореалистской — на основе формальных логик дедуктивного типа формируются плановые экономические проекты. Отметим, что в неореалистских экономических теориях дедуктивного типа, так же как и в неоминалистских экономических теориях, по стандартам агностицизма и скептицизма признается непознаваемость сущности экономических процессов. Однако важным отличием этих типов теорий является соотношение в них репрезентанта и репрезентации. Согласно неореалистским типам экономических теорий, репрезентацией выступают сами экономические процессы, а идеи, планы — репрезентантами этих процессов. При этом проблема науки является проблемой планирования в той или иной сфере создания определенных сред, а также проблемой практических интерпретаций, создания технологий для реализации глобальных, общих установок, претворения в жизнь тех или иных идей, планов, задач и т. д. Важное значение теории и идеологии планирования, государственному вмешательству в экономику придает представитель стокгольмской экономической школы Г. Мюрдаль. Он пишет: «Основной принцип идеологии экономического планирования состоит в том, что государство должно играть активную, по существу, решающую роль в экономике. Своими капиталовложениями и предпринимательской деятельностью, различными видами стимулирования, ограничениями частного сектора государство побуждает и направляет экономическое развитие. Эти государственные меры должны разумно координироваться и получать четкое выражение во всеохватывающем перспективном плане. Экономика и ее прогресс должны находиться под контролем государства с тем, чтобы путем сознательного планирования и разумной координации государственной

политики обеспечить развитие экономической системы в желаемом направлении» [14]. Ясно, что успешное экономическое развитие Г. Мюрдаль видит в сознательном планировании всех текущих и дальнейших действий, которые государство должно направлять в желаемое русло.

Согласно неореалистской метафизической методологической традиции, в соответствии с принципом дуализма в качестве сущности выступают абстракции, в том числе и проекты-планы, а экономические процессы выступают как существования, призванные технологически восполнять, претворять в жизнь указанные проекты-планы и абстракции. Ф. Фукуяма справедливо отмечает одну из основных слабостей неореализма — это то, что в нем не учитывается исторический процесс развития общества: «Отлично разбираюсь во всех прочих отношениях политической и социальной жизни, реализм рисует международные отношения как изолированные в лишенном времени вакууме, иммунные к происходящим вокруг эволюционным процессам. Но эта кажущаяся одинаковость международной политики ... на самом деле маскирует значительные отличия в образе действий, с помощью которых государства добиваются усиления, контролируют силу и реагируют на нее» [15]. Тем самым изолированность отношений от окружающей действительности соответствует метафизической системе теоретизирования и принципу дуализма, а их «рисование» осуществляется по принципу антропоцентризма.

Таким образом, в рамках метафизической методологической традиции и согласно принципу дуализма экономическая система раскрывается двояко, а именно: как абстракция и как телесная сущности. Согласно неореалистской версии экономического мышления, экономическая систе-

ма представляет собой абстракцию, а экономические процессы направлены на восполнение данной абстракции. В связи с этим дедуктивные теории требуют воплощения абстракции в качестве репрезентанта, что соответствует неореалистскому типу экономических теорий. На базе этих теорий формируются консервативные экономические проекты. Тем самым ключевыми элементами экономического мышления в проектах неореалистского типа выступают планы, нередко прожектерские, директивы, которые составляются на основе метафизической неореалистской методологии.

Согласно неоминалистской версии метафизического мышления, экономическая система выступает как телесная сущность, и возникает необходимость описания данной сущности средствами-репрезентациями в каких-либо терминах, теориях и т. д. Поэтому индуктивные типы теорий требуют описания экономической системы и выступают как репрезентация действительности. На основе этих типов теорий формируются экономические проекты рыночного типа, ключевыми элементами которых выступают произвольные интерпретации, описания, трактовки экономических процессов.

В современных экономических исследованиях существует множество проектов плановой и множество проектов рыночной экономики. При этом важно различать индуктивные и дедуктивные типы экономических теорий, в которых раскрывается определенный тип экономического мышления, адекватная им логика и методология исследования в целях соблюдения теоретической строгости в их разработке. Эклектика в экономическом мышлении выступает как нейтрализация методологической функции философии, следовательно, делает философию непродуктивной для теории экономики.

Примечания:

1. Кант И. Критика чистого разума. Минск: Литература, 1998. С.81.
2. Зандкюлер Х.Й. Репрезентация, или Как реальность может быть понята философски? // Вопр. философии. 2002. №9. С. 81-91.
3. Вартофский М. Модели. Репрезентация и научное понимание. М.: Прогресс, 1988. С.34.

-
4. Макаров М.Г. Сложность и вариативность категорий диалектики. Л.: Наука, 1988. С.41.
 5. Князев Н.А. Сущность и существование науки (проектный анализ) / Сиб. гос. аэрокосмич. ун-т. Красноярск, 2003. С.68.
 6. Парахонский Б.А. Стиль мышления. Философские аспекты анализа стиля в сфере языка, культуры и познания. Киев: Наук. думка, 1982. С.72,256.
 7. Шелер М. Избранные произведения. М.: Гнозис, 1994. 490 с.
 8. Оккам У. Избранное / пер. с лат. А.В. Апполонова, М.А. Гарнцева; под общ. ред. А.В. Апполонова. М.: Едиториал УРСС, 2002. С.105,135.
 9. Фома Аквинский. Сумма теологии. Ч. 1. Киев; М.: Эльга: Ника-Центр; Элькор-МК, 2002. С.106.
 10. Weisheipl J.A. Номинализм. URL: <http://mb-soft.com/believe/trnm/nominali.htm>
 11. Голосенко И.А. Реализм и номинализм в истории буржуазной социологии // Социологические исследования. М., 1979. №4. С. 162-169.
 12. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. Кн. 4. М.: Соцэкгиз, 1935. С.51.
 13. Брагинский С.В., Певзнер Я.А. Политическая экономия: дискуссионные проблемы, пути обновления. М.: Мысль, 1991. С. 230.
 14. Мюрдаль Г. Мировая экономика. Проблемы и перспективы / пер. с англ. А.В. Еврейскова и О.Г. Клесмет. М.: Изд-во иностр. лит., 1958. С. 166.
 15. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / пер. с англ. М.Б. Левина. М.: АСТ: Ермак, 2004. С.390.

References:

1. Kant I. The Critique of Pure Reason. Minsk: Literatura, 1998. P.81.
2. Zandkuler H.J. Representation or How can the reality be understood philosophically? // Philosophy Questions. 2002. №9. P. 81-91.
3. Vartofsky M. Models. Representation and scientific understanding. M.: Progress, 1988. P.34.
4. Makarov M.G. Complicacy and variability of dialectic categories. L.: Nauka, 1988. P.41.
5. Knyazev N.A. The essence and existence of science (a design analysis) / Sib. State Aerocosmic University. Krasnoyarsk, 2003. P.68.
6. Parakhonsky B.A. The style of thinking. Philosophical aspects of the style analysis in the sphere of language, culture and knowledge. Kiev: Nauk. dumka, 1982. P. 72, 256.
7. Sheller M. Selected works. M.: Gnosis, 1994. 490 pp.
8. Ockham W. Selected works / transl. from Latin by A.V. Appolonov, M.A. Garntsev; ed. by A.V. Appolonov. M.: Editorial URSS, 2002. P.105,135.
9. Foma Akvinsky. The theology sum. P.1. Kiev; M.: Elga: Nika-Center; Elkor-MK, 2002. P.106.
10. Weisheipl J.A. Nominalism. URL: <http://mb-soft.com/believe/trnm/nominali.htm>
11. Golosenko I.A. Realism and nominalism in the history of bourgeois sociology // Sociological research. M., 1979. №4. P. 162-169.
12. Smith A. An inquiry into the nature and causes of the wealth of nations. Book 4. M.: Sotsekgiz, 1935. P.51.
13. Braginsky S.V., Pevzner Ya.A. Political economy: debatable problems, renewal ways. M.: Mysl, 1991. P. 230.
14. Myrdal G. An International Economy. Problems and prospects / transl. from English by A.V. Evrejskov and O.G. Klesmet. M.: Foreign literature Publishing house, 1958. P. 166.
15. Fukuyama F. The end of history and the last man / transl. from English by M.B. Levin. M.: AST: Ermak, 2004. P.390.